

Минский Николай Максимович

Религия будущего

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Максимович М.**
Религия будущего / Минский Николай Максимович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 306 с.

ISBN 978-5-519-96684-9

ISBN 978-5-519-96684-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Разговоръ первый.

Наши философскія бесѣды завязались случайно и потому онѣ начались не съ простѣйшихъ положеній, а съ середины, съ самага центральнаго и сложнаго вопроса о вѣрѣ.

Мы сидѣли въ темномъ углу библіотеки, подлѣ своихъ сундуковъ, въ верхнемъ платьѣ, похожіе на людей, собравшихся въ далекій путь. Владиміръ Ивановичъ кутался въ пледъ, дрожа отъ ночного холода и внутренняго жара, и вынужденнымъ, вслѣдствіе горловой болѣзни, шопотомъ, который придавалъ всѣмъ его словамъ оттѣнокъ довѣряемой тайны, рассказывалъ, какъ онъ услышалъ пожаръ. Послѣ короткаго сна онъ, по обыкновенію, проснулся и лежалъ въ оцѣпенѣніи, обливаясь потомъ. Когда-же онъ услышалъ звукъ рожковъ, бѣготню, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, и понялъ, что въ домѣ огонь, то прежде всего подумалъ: вотъ смерть и обрадовался. Обрадовался тому, что можно будетъ умереть даромъ, не платясь лишними мѣсяцами страданій. Однако, пока мысль его рѣшала, какъ хорошо-бы умереть, онъ вскочилъ съ постели и началъ быстро одѣваться.

Послѣднія слова были произнесены со спокойной ироніей. И вдругъ, перейдя на интимный тонъ, мой собесѣдникъ продолжалъ:

— А что если-бы проснуться въ комнатѣ, объятай со всѣхъ сторонъ огнемъ? Такъ что на спасеніе не было-бы ни малѣйшей надежды? Что-бы мы стали дѣлать? Что-бы чувствовали? Заметались-ли-бы отъ животнаго ужаса,

хватаясь за горящіе предметы, пока насъ не задушилъ дымъ? Или внезапно и строго успокоились-бы, какъ во время тяжелой болѣзни? Или-же въ насъ вдругъ проснулось-бы далекое, и мы вспомнили-бы молитвы? Вѣдь ребенкомъ я сильно, можно сказать, до безчувствія, вѣрилъ въ Бога. А теперь, право, не знаю. Безсознательно, можетъ быть, во что-то вѣрю, но умомъ одолѣть свои сомнѣнія не могу. Вы въ дѣтствѣ, конечно, тоже вѣрили? Или еще вѣрите до сихъ поръ?

Вотъ этотъ вопросъ и послужилъ началомъ огромнаго душевнаго событія, которое съ того времени всецѣло наполнило мою и его жизнь. Въ другое время я на такой вопросъ, вѣроятно, отвѣтилъ-бы уклончиво, но въ тотъ необычный часъ, среди непривычной обстановки душа моя была открыта, и я не постыдился быть искреннимъ и не побоялся, что моя искренность будетъ непонята.

— Чувство вѣры, отвѣтилъ я, потеряно мною такъ-же, какъ и вами, какъ большинствомъ современныхъ намъ людей, но Бога я исповѣдую и, по мѣрѣ силъ, люблю его и молюсь Ему.

Владиміръ Ивановичъ долго глядѣлъ на меня съ удивленіемъ и, наконецъ, какъ-бы прокричалъ своимъ шопотомъ:

— Развѣ можно исповѣдывать Бога, въ котораго не вѣришь?

— Да, отвѣтилъ я, настало время, когда свое отношеніе къ Богу нужно строить не на вѣрѣ, а на другомъ, болѣе глубокомъ основаніи,—на увѣренности. Но знаете ли вы, что вашъ вопросъ одинъ изъ тѣхъ, одна постановка которыхъ уже великая побѣда духа? Дѣло въ томъ, что человѣчество подошло къ чертѣ, гдѣ вѣра съ роковой неизбѣжностью превращается въ безвѣріе, и будущее религіи зависитъ отъ того, какъ будетъ рѣшенъ поставленный вами вопросъ.

— Вы не думаете, что вѣра можетъ ожить, воскреснуть? спросилъ онъ опять.

— Нѣтъ, сказалъ, я, мы имѣемъ дѣло съ причиной, не случайной, а постоянной и неустранимой. Отдѣльные случаи обмиранія вѣры, какъ исключенія, были извѣстны давно, но вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ безвѣріе становится нормой сознанія, такъ что нельзя назвать ни одного крупнаго явленія въ духовной жизни людей, которое не было-бы внутренне связано съ убылью вѣры. [Все новое, свое, чѣмъ жилъ девятнадцатый вѣкъ, въ политикѣ—демократизмъ разныхъ оттѣнковъ, въ области мысли—критическая философія, позитивизмъ, утилитаризмъ, въ наукѣ—ученіе о подборѣ, объ эволюціи,—все это разнообразныя явленія, изъ которыхъ каждое имѣло скрытую осью вращенія чувство невѣрія.] Не отдѣльная какая-либо наука, но вся атмосфера нашего знанія стала по отношенію къ чувству вѣры гасительнымъ азотомъ, и стоитъ дѣтской душѣ погрузиться въ этотъ азотъ, чтобы огонь вѣры въ ней погасъ. Ибо между всей нашей, основанной на наукѣ, культурой и чувствомъ вѣры существуетъ незаполнимая бездна: [наука покоится на увѣренности, что связь между причинами и слѣдствіями ни въ одномъ звенѣ несокрушима и законы природы неизмѣнны, вѣра-же есть не только допущеніе, но ожиданіе вмѣшательства въ законы природы со стороны высшей силы и нарушенія ею причинной связи явленій.] Этотъ разрывъ между разумомъ и чувствомъ вѣры, уже достаточно глубокій, критическая философія еще расширила, углубила, довела до сердцевины души, доказавъ, что законъ причинности не одна изъ истинъ, добытыхъ разсудкомъ, а условіе всякой возможной истины. Какъ-же быть? Ужъ не принести-ли въ жертву разумъ ради вѣры? Не повѣрить-ли въ абсурдное? Но тогда пришлось-бы вернуться къ поклоненію идоламъ, какъ еще болѣе абсурдному. Нѣтъ, поклоняться можно только Богу, ко-

того считаешь Богомъ истиннымъ, приговоры-же объ истинномъ и ложномъ произноситъ разумъ.

— Такъ что примиреніе невозможно? произнесъ мой собесѣдникъ какъ-бы про себя.

— Судите сами, возможно-ли перекинуть какой-либо мостъ черезъ эту бездну. Вѣра въ теченіе тысячелѣтій убѣждала человѣка, что, вооруженный ея могуществомъ, онъ можетъ двигать горами, достигать вѣчнаго блаженства, словомъ, превращать все желаемое въ дѣйствительное, творить чудеса. Въ томъ самая сущность вѣры, что она—чувство дѣятельное, творческое, заинтересованное въ намѣреніяхъ божества и тайно вліяющее на нихъ. Вѣра никогда не была спокойной гипотезой, допущеніемъ божества, но всегда подвигомъ, жертвой и ожиданіемъ. Подвигъ вѣры заключается въ борьбѣ съ очевидностью, въ одолѣніи видимаго міра во славу невидимаго Бога. Въ жертву-же вѣрующій приноситъ не только природу, но и себя, обуздываетъ свой разумъ, преклоняетъ волю, смиряетъ гордость и, побѣжденный какъ-бы самимъ собою, падаетъ во прахъ и цѣлуетъ край одежды обрѣтеннаго божества. Но подобно тому, какъ всякая любовь есть ожиданіе любви, такъ подвигъ и жертва вѣры неразрывны съ мольбою о помощи, съ ожиданіемъ чуда.—Смотри, говоритъ вѣрующій, обращаясь къ боже-ству: для твоей славы я отринулъ законы міра, отмѣни-же и ты законы міра для моего счастья. Вѣрующій дѣ-лаетъ видъ, будто отказывается отъ своихъ желаній, но, на время удаляясь отъ нихъ, онъ надѣется найти ихъ болѣе достижимыми. Эта корыстность вѣры составляетъ ея наготу, которую она тщательно кутаетъ въ молитвы, пряча ее не только отъ всевидящаго ока божія, но и отъ себя самой. Тутъ начинается второй подвигъ вѣры и второе ея одолѣніе, направленное не противъ явленій міра, но противъ желаній души, и, можетъ быть, въ этой-то внутренней борьбѣ и побѣдѣ возникаетъ все благо-

уханіе, вся небесная радужность и трогательность вѣры. Въ сердцахъ наиболѣ чистыхъ корыстная изнанка вѣры исчезаетъ, остается безпримѣсная любовь къ Богу не безъ скрытой мысли, что любящихъ-то Богъ всего болѣе любить. Но какъ-бы то ни было, всякій вѣрующій требуетъ. молить и ждетъ чуда. Можно сказать, что отъ временъ грубѣйшаго анимизма до нашихъ дней человѣчество, пользуясь законами природы для того, чтобы обрабатывать землю, строить зданія, готовить одежду, на каждомъ шагу подкапывалось подъ эти законы, взывая о чудѣ. Если-же иногда являлись скептики, утверждавшіе, что они не повѣрятъ въ чудесное раньше, чѣмъ не увидятъ его своими глазами и не вложатъ персты въ язву и руку въ ребра, то подобные невѣрующіе не только не расшатывали всеобщей вѣры, но укрѣпляли ее, ибо ихъ кажущееся невѣріе въ чудо было, на самомъ дѣлѣ, наиболѣе страстнымъ ожиданіемъ его. Въ толпѣ вѣрующихъ дѣтей то были дѣти по преимуществу, и недаромъ мудрый Вероккіо придалъ чертамъ лица святого Оомы такую дѣтскую нѣжность.

Но вотъ пришла критическая философія и поставила вопросъ не о возможности для высшей силы производить чудесное, но о возможности для человѣка воспринимать чудо. И тогда разумъ вынужденъ былъ отвергнуть чудеса не потому, что мы ихъ не видимъ или ихъ прежніе очевидцы не заслуживаютъ довѣрія, а, наоборотъ, именно потому, что проявленное чудо намъ видимо, воспринимается нами въ условіяхъ опыта, главнѣйшее же изъ этихъ условій, безъ котораго никакой опытъ немыслимъ, есть категорія причинности. Возможно-ли для божества чудесное или нѣтъ, у меня, человѣка, нѣтъ органовъ для воспріятія чуда. Предположимъ, что въ моемъ присутствіи совершается чудо, напримѣръ, одинъ предметъ превращается въ тысячу равныхъ по веществу и объему предметовъ и мнѣ говорятъ: вотъ ты видишь

явленіе, противорѣчащее законамъ природы, необъяснимое дѣйствіемъ естественныхъ силъ, и] потому ты обязанъ заключать и свидѣтельствовать о высшей силѣ. На это критическая философія велитъ мнѣ отвѣчать слѣдующее: вы хотите, чтобы я о чемъ-то заключалъ и свидѣтельствовалъ, но заключать объ истинѣ или лжи я могу лишь при помощи разума. Между тѣмъ, вы одновременно утверждаете мой разумъ, прося его о чемъ-то заключать, и отрицаете его, признавая, что единица равняется тысячѣ. Если аксіомы, на которыхъ основано мое знаніе, поколеблены, то я уже не могу ни о чемъ заключать, ни объ истинѣ, ни о лжи, ни даже о томъ, что превращеніе предмета въ тысячу предметовъ есть фактъ, обязательный для разума. Какъ-же мнѣ поступить, отвергнуть-ли разумъ и этимъ отвергнутымъ разумомъ признать чудо, или-же отвергнуть чудо, какъ понятіе насквозь противорѣчивое, какъ явленіе, отрицающее законы явленій?

Наступило довольно долгое молчаніе, которое было прервано моимъ собесѣдникомъ:

— Но, все-таки, на вашихъ глазахъ предметъ превратился въ тысячу, и должны-же вы доискаться причины этого превращенія.

— Вы правы, — отвѣтилъ я, — нужно доискаться причины, но этимъ мы лишній разъ подтвердимъ увѣренность въ томъ, что причинная связь всеобща и неразрывна. Если же причиной превращенія сочтемъ вмѣшательство въ міръ явленій внѣміровой силы, то окажется, что мы во имя закона причинности допустили нарушеніе этого закона. И всякое допущеніе чуда есть такое сведеніе причины къ нарушенію причинности. Теперь вы сами видите, достаточно-ли широка бездна, образовавшаяся между разумомъ и вѣрой. Къ безднѣ этой многіе уже подошли, а со временемъ придутъ всѣ, ибо первые желтые листья предвѣщаютъ осень для всего

дерева. Неудивительно поэтому, что не только философы, но и художники нашего времени занялись изученіемъ этого разлада. Скорѣе удивительно то, что большинство изъ нихъ выказали при этомъ такъ мало проницательности и не только не могли замирить возникшій разладъ, но даже понять его природу.

¶ Когда борьба между критическою мыслью и чувствомъ вѣры впервые обнаружилась въ сознаніи, ученые и философы стали на сторону разума, какъ начала роднаго, человѣческаго, противъ вѣры, какъ начала чуждаго, божественнаго. Древняя вражда титановъ противъ боговъ воскресла въ сердцахъ людей, и гибель вѣры была встрѣчена съ ликованіемъ, создавъ волну радостной самоувѣренности, которая далекой зыбью отозвалась и у насъ. Наконецъ-то Прометей разбилъ на себѣ цѣпи, наложенныя на него абсолютомъ. Наконецъ-то разумъ убилъ коршуновъ метафизики и религіи, каждый день сызнова его терзавшихъ. Такъ ликовали натуралисты, занявшіеся философіей (подобно тому какъ встарь философы занимались натуръ-философіей), забывая даже, что своей побѣдой они обязаны метафизикѣ.

¶ Взамѣнъ устранившей религіи одни изъ нихъ предложили выводы естественныхъ наукъ, другіе—завѣты социальной справедливости, третьи—жизненные инстинкты. Когда-нибудь я покажу вамъ, почему ни наука, ни практическая нравственность, ни инстинкты несоизмѣримы съ религіозной истиной и никогда не замѣнятъ ея. Теперь-же я хочу только сказать, что всѣ эти пророки разума, сами себя объявившіе небожественными, просто-таки оказались непроницательными и мало поняли въ совершившейся на ихъ глазахъ эволюціи. Они говорили о смерти религіи, о сумеркахъ Бога, о замѣнѣ богочеловѣка человѣкобогомъ и не видѣли того, что не религіозное чувство изсякло, а чувство вѣры.

— Но развѣ вѣра и религія не одно и то же?—опять прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, не одно и то же,—отвѣтилъ я.—Все равно, какъ если бы вы спросили, не одно ли и то же питаніе и кормленіе грудью. Питаніе—это неизмѣнный законъ сохраненія жизни, между тѣмъ какъ кормленіе грудью лишь одинъ изъ видовъ питанія. Точно такъ же религіозное чувство представляетъ величину постоянную, врожденное душѣ влеченіе, надъ которымъ разумъ и воля безсильны. Чувство же вѣры—лишь одинъ моментъ нашей религіозной жизни; можетъ быть, моментъ самый радостный и прекрасный, но преходящій и подчиненный. Вѣра—одно изъ дѣтскихъ, или, вѣрнѣе, одно изъ райскихъ чувствъ души, сіяющее прелестью невѣдѣнія, но при извѣстномъ развитіи разума обреченное изгнанію изъ рая. Можетъ быть по этой причинѣ чувство вѣры такъ боится разума, предвидя въ его лучахъ изгоняющій мечъ. Если религіозное чувство сравнить съ цвѣтущимъ деревомъ, то чувство вѣры пришлось бы уподобить вешнему бѣлому цвѣту на этомъ деревѣ, благоуханному и чистому, однако призванному облетѣть и уступить мѣсто плоду и сѣменамъ.

Покуда вѣра свѣтитъ, нѣтъ прекраснѣе лучей. Они ярки и жгучи, какъ свѣтъ солнца, и также, какъ свѣтъ солнца, даются намъ даромъ, безъ всякаго съ нашей стороны усилія. Но, подобно солнцу, самая пламенная вѣра стремится къ закату, и мы уже не въ силахъ остановить ее ни на одно лишнее мгновеніе. Тогда намъ остается или пребывать во мракѣ, или зажечь свѣтъ мистическаго познанія, не столь яркій, но болѣе вѣрный, не столь видимо прекрасный, но болѣе совершенный. Кто стоитъ въ лучахъ вѣры, тому свѣтъ философіи долженъ казаться тусклымъ и ненужнымъ, какъ пламя фонаря въ полуденный часъ. Кто же переступилъ за ограду и очутился среди вѣчной ночи, для того ми-

стическое познаніе—единственное средство спасенія. Но не удивительно ли, что самый вопросъ объ отношеніи между религіей и вѣрой не былъ предугаданъ никѣмъ изъ богоборныхъ пророковъ и, можетъ быть, только сегодня, въ нашей случайной бесѣдѣ, этотъ вопросъ впервые отчетливо ставится передъ сознаніемъ.

Само собой разумѣется, что побѣда, отпразднованная этими пророками, оказалась непрочною. Послѣ краткаго опьяненія ложной гордостью и ложно понятой свободой, душа опять истосковалась по мистическомъ оправданіи жизни, опять устремилась къ Богу. И можетъ быть, никогда еще мистическое чувство не было такъ безкорыстно и чисто, какъ въ наши дни. Въ прежніе вѣка каждый религіозный подъемъ означалъ поразженіе разума, и ближайшей его причиной оказывалось какое-нибудь великое бѣдствіе, когда, безсильные своимъ незнаніемъ природы и неумѣніемъ управлять ея законами, люди подкапывались подъ эти законы молитвами къ высшему существу. Мы же впервые признали права разума неоспоримыми. Мы не стыдимся вести свое происхожденіе отъ животнаго и, можетъ быть, растительнаго міра, не боимся изслѣдовать пустоту неба и считать возрастъ нашей планеты милліонами лѣтъ. При великихъ бѣдствіяхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда наши предки истязали себя, молились и постились, творили заклинанія и давали обѣты, мы стараемся овладѣть тайнами міра, чтобы заставить ихъ дѣйствовать въ свою пользу. Вмѣсто того, чтобы обходить процессіями городскія стѣны, мы въ защиту отъ повальныхъ болѣзней улучшаемъ устройство канализаціи и успѣшно достигаемъ своей цѣли. Чуму мы убиваемъ въ ея зародышѣ, грозовыя тучи разгоняемъ выстрѣлами, противъ засухи искусственно орошаемъ поля и во всемъ, что касается міра явленій, сами себѣ научились помогать, уничтоживъ, такимъ образомъ, одну за другой ис-

кусственные свай, на которыхъ держалась вѣра и молитва нашихъ отцовъ. И несмотря на свои знанія и на свою силу, мы съ такой же любовью, какъ наши отцы, но съ большимъ безкорыстіемъ и большею смѣлостью, преклоняемъ свой духъ передъ Богомъ, только потому, что наша душа божественна; и мы безсильны измѣнить законы души, какъ безсильны нарушить законы міра. Нашъ мистицизмъ не боится даже духа сомнѣнія.

И вотъ, когда возрожденіе религіозныхъ чувствъ сдѣлалось несомнѣннымъ событіемъ, въ литературѣ всѣхъ странъ, а у насъ въ особенности, опять стали раздаваться голоса, твердящіе о священномъ и вѣчномъ. Но къ несчастію, и пророки-мистики оказались не проныцательнѣе пророковъ-натуралистовъ. Тѣ и другіе одинаково смѣшали чувство вѣры съ чувствомъ религіознымъ; и если одни провозгласили смерть религіи, другіе считаютъ необходимымъ вернуться на пути прежней вѣры. Эти послѣдніе похожи на людей, которые стали бы опавшіе лепестки цвѣтовъ искусственно приклеивать къ вѣткамъ, въ надеждѣ что такимъ образомъ дерево останется вѣчно цвѣтущимъ. Они дѣлаютъ видъ, какъ будто мы живемъ до критической философіи, а не послѣ нея, и какъ будто можно вернуть потерянное невѣдѣніе и по желанію перестать сомнѣваться. Создаются одно за другимъ подобія мистическихъ и нравственныхъ ученій, которыя должны разлетѣться въ прахъ отъ одного слова: сомнѣваюсь. Вотъ почему религіозное возрожденіе нашего времени полно смуты. Много геніальныхъ писателей, но ни одной незаблемой мысли. Будущее людей зависитъ отъ того, какъ они разрѣшатъ вопросъ, который вы раньше предложили мнѣ. Если нельзя исповѣдывать Бога, не вѣруя въ него, то будущее принадлежитъ безцѣльности, борьбѣ инстинктовъ и разладу. Если же мистическое познаніе безъ вѣры возможно, то мы стоимъ на порогѣ новаго религіознаго свѣта. }